

Едва Вэй Чэн и Горшочек переступили порог хижины, как за окном закружились первые снежинки. Вскоре всё вокруг затянуло белой пеленой, в которой почти растворилась березовая роща, стоявшая перед домом.

— Братик! — Малыш приподнялся на цыпочки, пытаясь заглянуть в дверную щель. — А Горшочек может пойти погулять с Синьэром?

Вэй Чэн посмотрел на то, как стремительно густеет снегопад.

— Подожди, когда немного утихнет. Тогда я выйду с вами, и мы вместе накатаем снежных шаров.

Кроха разочарованно поджал губы:

— Ну ладно...

Сказав это, он всё же не спешил отходить от двери: и его маленькая ручка, и мохнатая лапа волчонка по-прежнему скреблись в косяк, за которым завывал холодный ветер. Юноша, глядя на эту картину, невольно рассмеялся.

— Не дуйся. Сейчас я приготовлю для вас вкусное мясо.

— Мясо! Мясо! Горшочек будет кушать мясо!

Стоило заветному слову прозвучать, как оба — и ребенок, и зверь — мгновенно позабыли о дверях. Дисциплина восстановилась сама собой.

Вэй Чэн тщательно вымыл руки и, вытирая их полотенцем, добавил:

— Сначала перекуси чем-нибудь из своих запасов, а обед скоро будет готов.

Мальчик послушно потянулся к своей маленькой корзинке:

— Хорошо!

Сладостей и сушеных фруктов, купленных в прошлый раз, оставалось еще предостаточно; к тому же теперь у них были арбузные семечки и кунжутные конфеты — Горшочку хватило бы их на все праздники.

Юноша принялся за готовку. Он решил сварить «двойной рис», смешав обычную крупу с золотистым просом. Когда Горшочек в прошлый раз жаловался на боли в животе, лекарь Ци предупредил, что пища для ребенка должна быть мягкой и хорошо разваренной. Просо

благоприятно влияло на селезенку, а белый рис успокаивал желудок — вместе они не только давали прекрасный вкус, но и были очень полезны для такого крохи.

Засыпав крупу в котел и залив её крутым кипятком, Вэй Чэн развёл под плитой огонь. В перерывах между делами он оборачивался и видел, как малыш сосредоточенно щелкает семечки, не забывая время от времени подбрасывать ядрышко волчонку. Судя по внушительной кучке шелухи, тот трудился не покладая рук.

Вскоре из котла поплыл густой рисовый аромат. Юноша прикинул время и приподнял крышку: зерна стали полупрозрачными, желтые и белые крупинки переплелись в аппетитном узоре.

Теперь, когда у него был настоящий котел и все необходимые приправы, можно было наконец приготовить редьку, подаренную семьей Ли. Вэй Чэн мелко накрошил овощи, а затем принялся за свинину. Мясник Ма, словно зная, что парням нужны силы, выбрал кусок пожирнее. Помня, как брат и Синьэр любят мясо, юноша не стал скупиться и отрезал почти половину хорошего куска.

На дне пиалы еще оставалось немного топленого сала. Он отправил пару ложек в котел, и вскоре белоснежный жир с тихим шипением растекся по дну. Дождавшись, когда масло раскалится, Вэй Чэн бросил в него сушеный имбирь и чеснок. Стоило аромату специй раскрыться, как в котел отправилось мясо. Следом он добавил ложку яркой бобовой пасты. Свинина зашкворчала, меняя цвет в кипящем масле, и лишь когда в котел плеснули чистой воды, шипение улеглось, сменившись мерным бульканьем.

Чуть позже он добавил редьку и, попробовав бульон, всыпал щепотку соли для вкуса. Пока в котле томилось ароматное жаркое, а дров в очаге было в достатке, юноша достал оставшиеся после покупки мяса медные монеты и опустил их в глиняный горшочек брата.

Утром он взял из оставшихся денег сто монет и положил их в корзину. Сначала Вэй Чэн хотел зайти к семье Чжоу, что жила в конце деревни, и купить у них сушеных овощей к Новому году. У Чжоу был огромный огород, который кормил всю их многочисленную родню; говорили, что летом и осенью они возили овощи на продажу в город, а зимой торговали соленьями и сушками. Запасов у них наверняка было в избытке. Однако, потратив все деньги на мясо, юноша решил отложить этот поход на завтра.

— Братик!

Горшочек, осторожно ступая, подошел к нему, бережно сложив ладошки:

— Кушай!

Вэй Чэн наклонился и увидел, что на маленькой ладони лежит целая горсть очищенных, полных семечек.

— Зачем ты столько для меня начистил? — улыбнулся он. — Кушай сам.

— Братик... готовит еду, а Горшочек... чистит семечки для братика, — малыш серьезно поднял лицо. — Братик, кушай скорее!

— Хорошо, хорошо, кушаю.

Юноша присел на корточки, всё равно оставаясь выше малыша, и взял пару семечек. Он принялся нарочито громко жевать, причмокивая от удовольствия:

— Как вкусно! Сразу видно — Горшочек сам чистил.

— Горшочек еще начистит!

Мальчик просиял, его ресницы изогнулись в радостной улыбке — похвала явно подействовала. Отдав очищенные ядра брату, он снова поспешил к мешочку. Вэй Чэн едва успел его поймать:

— Всё-всё, хватит. Пора накрывать на стол.

Он поднял крышку котла, и по хижине разлился божественный дух томленного мяса с редькой.

Юноша положил Горшочку немного каши и щедро полил её подливой с мягкими кусочками свинины. Так и посуды мыть меньше, и рис, пропитавшись соком, становился нежнее — Вэй Чэн очень боялся, как бы у брата снова не прихватило живот. Себе и волчонку он наложил так же.

— Братик, Горшочек не хочет кушать редьку, — малыш всё еще помнил, как этот овощ в сыром виде обжег ему язык.

Старший брат отправил кусочек себе в рот. Приготовленная редька утратила горечь, напиталась мясным духом и стала удивительно нежной.

— На этот раз она вареная, совсем не жжется. Попробуй хоть разок.

— Ну ладно...

Кроха осторожно откусил самый край крошечного кусочка, пожевал и смешно сморщил нос:

— Фу... она пахнет странно.

— Видно, и правда тебе не по вкусу.

Вэй Чэн забрал у него недоеденный кусочек, а заодно выловил из его миски всю остальную

редьку, взамен положив побольше мяса.

— Раз не нравится — не ешь. Давай, кушай кашу.

— Угу!

Малыш принялся за еду с таким аппетитом, что вскоре его подбородок блестел от соуса. Он ловко подцепил палочками кусок сочного мяса, и глаза его радостно блеснули:

— Мясо-о!

— Кушай, кушай.

Юноша тоже проглотил горячий кусок и улыбнулся:

— Не торопись, в котле еще много.

За стенами дома завывал северный ветер и кружил густой снег, а двое детей и маленький волчонок, собравсь у горячего котла, наслаждались теплом и сытным обедом.

После еды Горшочка, как обычно, сморил сон. Вэй Чэн снял с него сапожки, перенес на теплый край кана и укрыл одеялом. Стоило пару раз погладить малыша по спине, как послышалось мерное посапывание.

Юноша тихо, стараясь не шуметь, принялся за уборку. Оставшееся мясо он планировал вынести за дом, чтобы оно замерзло на холоде. Закончив с посудой, он не сел отдыхать, а достал лоскут грубой черной ткани и швейные принадлежности, что дала ему Лань-шэньцзы. Он выложил перед собой старый кошелек, который Мо-фулан когда-то «отвоевал» у старухи Фан, и решил по его образцу сшить два новых.

Дело это казалось нехитрым, но Вэй Чэн никогда прежде не держал в руках иглу, а потому пальцы его слушались плохо, и работа шла неуклюже. Провозившись весь вечер, он всё же закончил: два кошелька вышли крепкими, но до того невзрачными, с кривыми стежками и грубыми швами, что на них было больно смотреть.

«Впрочем, так даже лучше, — подумал юноша. — Пусть воры думают, что у нас и гроша за душой нет».

Вэй Чэн уже собирался разводить огонь, чтобы разогреть ужин, как вдруг в дверь постучали. Он замер. Кто мог прийти в такую непогоду? Осторожно подойдя к порогу, он спросил:

— Кто там?

— Брат Чэн! Это я!

Услышав знакомый голос, юноша поспешно открыл дверь. На пороге стоял Доумяо, а за его спиной высилась мощная фигура Мясника Ма с огромной ивовой корзиной за плечами.

— Заходите скорее!

Отец и сын вошли в дом, неся на одежде облака снежной пыли. Снег лежал на их плечах и шапках белыми шапками.

— Малыш спит? — Доумяо кивнул в сторону кана.

— Поел и сразу уснул, — ответил Вэй Чэн, протягивая гостям чистые полотенца. — Доумяо, дядя Ма, вытирайтесь скорее.

— Некогда нам рассиживаться, Чэн-эр, — отозвался Мясник Ма, даже не прикоснувшись к полотенцу. Он снял верхний слой сухой соломы из корзины и вытащил оттуда пышные, пахнущие свежим хлопком стеганое одеяло и матрас.

Вэй Чэн ахнул:

— Как же так? Уже готово?

— Мама утром посмотрела на небо, — объяснил Доумяо. — Поняла, что буран идет, и испугалась, что вы с малышом замерзнете. Тут как раз тетушки зашли поздравить, вот они все вместе за полдня и управились.

Юноша принялся горячо благодарить их, но Мясник Ма лишь отмахнулся:

— Пустое. Твоя тетка сказала, что ты лишнего за работу дал, так что сдачу она возвращать не будет — посчитала это платой за срочность. Пользуйтесь на здоровье.

— Ой! Брат Чэн, а где ты такого щеночка взял? — Доумяо присел перед лежанкой волчонка. Тот, почуяв чужаков, выгнул спину и угрожающе зарычал, защищая свою территорию. Но так как он был совсем крошечным, Мясник Ма и Доумяо лишь добродушно усмехнулись.

— На горе подобрал, — уклончиво ответил Вэй Чэн, не желая лишний раз лгать про волка.

Мясник Ма, казалось, о чем-то раздумывал и на зверя особого внимания не обратил.

— Доумяо, пора идти. Снег завалит тропы — вовсе не выберемся.

Мальчишка нехотя поднялся.

— А можно я сегодня у брата Чэна заночую? — прошептал он.

Вэй Чэн кивнул:

— Конечно, я не против.

Но отец был строг:

— Нет. Посмотри, какой узкий кан. Ты во сне вертишься как юла — нешто забыл? Пошли домой, мать ждет.

Доумяо понурил голову:

— Ну ладно...

Места на кане хватило бы и троим, но Вэй Чэн не стал спорить с дядей Ма.

— Доумяо, на улице метель, Лань-шэньцзы будет места себе не находить, если ты останешься. Приходи, когда погода наладится.

Лицо мальчишки снова посветлело. Проводив гостей, юноша поспешно расстелил теплое одеяло на кане, чтобы оно просохло от принесенной с улицы влаги.

***

Когда Мясник Ма и Доумяо вернулись домой, уже совсем стемнело. Родня давно спала, лишь в комнате хозяйки еще теплился свет. Доумяо, нагулявшись на холоде, едва скинул одежду и тут же провалился в сон.

— Как там ребята? — негромко спросила Лань-шэньцзы.

Мясник Ма немного помолчал, вспоминая увиденное.

— Прибрано у них, чисто. Видно, что Чэн-эр старается.

— Я краем глаза заметила: и котел у них железный, и приправы всякие есть, и посуда в достатке. Даже порошок для зубов и щетки — всё как у городских, — добавила жена.

Женщина вздохнула:

— Подумай сам, много ли в нашей деревне домов, где железный котел на плите стоит? А одеяла такие толстые много ли кто шьет? Один цзинь хлопка почти сорок монет стоит!

Мясник Ма подложил руки под голову:

— Говорили же, что он отцовский замок долголетия заложил.

— Да какой замок может столько стоить? Я слышала, за вещицу Вэй Чэна много не давали, — покачала головой женщина. — Тут дело в другом. И котел, и одежда теплая, и постель... на один замок столько не купишь. Да и к тому же: что малютка ни попросит — Чэн-эр всё покупает. Когда мы за сладостями ходили, я только дешевые пастилки взять решилась, а он брату дорогие кунжутные конфеты купил!

Она придвинулась ближе к мужу и зашептала:

— В деревне болтают, мол, найденыш этот беду приносит. А посмотри на Вэй Чэна: разве не лучше он жить стал? Вспомни, как он в семье Вэй мыкался, и погляди на него сейчас.

Лань-шэньцзы оживилась:

— Эта тетка Лю только и знает, что у колодца языком чесать. Мол, и на нас теперь проклятие падет, раз мы им помогаем. А что у нас не так? Свиной ты меньше резать стал? Или Доумяо болеть начал? А я?.. — Она невольно улыбнулась. — Столько лет ждала, и вот — дитя наконец пришло.

Она продолжала:

— Про беду твердят только в домах Ванов да Вэев. Но люди-то они гнилые, сами дел наворотили, а теперь на детей сваливают. Подумай: кроме Ван Чжуанцзы, Вэй Саньняня да той бессердечной матери Чэна — у кого еще горе случилось? Сердца у них черные, вот и пришла расплата. Староста так привечает этого парня — видать, и он чувствует, что оба они, и Чэн-эр, и Горшочек, люди с большой удачей!

Мясник Ма в суеверия не верил, но жене перечить не стал:

— Раз так, будем и дальше им помогать. Не ради выгоды, а просто так — пусть это будет добрым знаком для нашего будущего малыша и Доумяо.

— И я так думаю, — отозвалась Лань-шэньцзы.

Снаружи завывала метель, последний огарек свечи погас, и тихий шепот в доме окончательно затих.

***

Снег утих лишь глубокой ночью. Горный ветер бушевал до рассвета, сотрясая маленькую хижину, словно хотел вырвать её с корнем. Но детям было всё нипочем: на теплой печи под толстым одеялом они даже не почувствовали холода.

Едва рассвело, Горшочек вытащил брата на улицу катать снежки. Даже Сингэр выскочил на простор, радостно кувыркаясь в сугробах. После того как они скатали три больших кома, кончик носа у малыша стал пунцовым. Вэй Чэн тут же утащил его в дом греться, а после

смазал его лицо и ручки ароматным бальзамом.

— Мне нужно сходить к семье Чжоу за сушеными овощами, — сказал юноша. — Пойдешь со мной или дома останешься?

— Пойду! Конечно, пойду!

Вэй Чэн, вытирая ему руки, строго предупредил:

— Пойти можно, но в снегу по дороге играть нельзя. Если руки обветрятся до болячек — будет очень больно.

— Не буду, не буду играть, — кроха послушно заболтал ножками. — Горшочек не хочет больно.

Брат погладил его по голове:

— Умница. Тогда собираемся.

Свежий снег был мягким и глубоким — ноги то и дело проваливались. Юноша подбросил Горшочка на руках, выдыхая облачка пара:

— Тяжелеет наш Горшочек. Скоро я тебя и поднять не смогу.

— Не тяжелый я! Не тяжелый! — Малыш уткнулся лицом в меховой воротник, так что видны были только сияющие черные глаза. — Братик всегда должен носить Горшочка на ручках.

Вэй Чэн рассмеялся:

— Всегда? Ну ладно. Придется мне есть побольше, чтобы стать таким же сильным, как дядя Ма.

Подойдя к дому Чжоу, они увидели, что ворота распахнуты настежь, а люди из деревни заходят и выходят с покупками. Навстречу им попались двое: Вэй Линьлан, вся укутанная в меха, и Вэй Тянь, второй сын Вэй Эрняня. Странно было видеть их вместе — Линьлан всегда предпочитала компанию Вэй Дэ, единственного сына третьего дяди, а Вэй Тянь был известен лишь своей худобой, смуглой кожей да жадностью до еды.

Юноша хотел пройти мимо, не оборачиваясь, но надменный голос младшей тетушки заставил его остановиться:

— Вэй Чэн, стой!

Он сделал вид, что не слышит, но Вэй Тянь тут же преградил ему путь:

— Тетушка с тобой разговаривает! Ты что, оглох?!

Вэй Чэн холодно взглянул на него:

— У меня нет никаких тетушек.

Смуглый парень хотел было огрызнуться, но Линьлан перебила его:

— Вэй Чэн, ты хоть знаешь, что твой третий дядя тяжело болен? Вряд ли он переживет этот Новый год. Как бы там ни было, ты — Вэй, и что бы он тебе ни сделал, он просто оступился. Неужели у тебя сердца нет навестить его?

— Навестить? У него есть жена и сын, есть братья и сестры. Не думаю, что в последний путь его должен провожать посторонний человек.

Вэй Линьлан вспыхнула:

— Как ты смеешь быть таким неблагодарным и невоспитанным!

— Уж лучше быть невоспитанным, чем быть бесчувственным скотом без совести, — Вэй Чэн с нескрываемым презрением посмотрел на неё. — Раз ты знаешь, что натворил Вэй Саньнянь, и всё равно оправдываешь его — значит, вы с ним одного поля ягоды.

— Ты!..

Взгляд Линьлан упал на меховой воротник Горшочка. Мех выглядел точно так же, как и её собственный... Она нахмурилась:

— Откуда у этого мальчишки такая дорогая вещь?

Юноша не удостоил её ответом и просто прошел мимо в дом Чжоу.

Вэй Тянь поспешил подлизаться к тетке:

— Да брось ты его, тетушка. У него характер — как камень, вонючий и нищий, ничего путного от него не услышишь. А воротник этот... небось украл где-нибудь!

— Украл? — Линьлан коснулась своего меха.

Пару дней назад она снова ездила в город под предлогом покупок, чтобы встретиться с молодым господином Ли в чайном павильоне. После того как они излили друг другу чувства... перед расставанием Ли-лан одолжил ей свой мех. Оба воротника были черными, но тот, что был на ребенке, казался гуще и дороже.

— А откуда еще у этого оборванца деньги на такие меха? — продолжал тощий Вэй Тянь. — Я слышал, он каждый день с дровами в город бегает, да только часто возвращается с чем пришел. Наверняка промышляет воровством!

Линьлан прижала руку к груди, стараясь унять необъяснимую тревогу.

— Скорее всего, так оно и есть.

Когда они выходили от Чжоу, братья как раз возвращались к себе. Линьлан проводила их презрительной улыбкой, но Вэй Чэн даже не взглянул в её сторону, быстро шагая к дому с полной корзиной за спиной.

Погреб у Чжоу и правда был полон. Юноша взял два кочана пекинской капусты, вилочку обледенелой квашеной редьки, пучок сушеного папоротника и два вида сушеных грибов, а в придачу — небольшую связку еще свежего лука и чеснока. За всё это он отдал меньше двадцати монет.

Теперь у них было и мясо, и овощи, и крупа. Сладости, семечки и пирожные тоже ждали своего часа. Этот Новый год обещал быть по-настоящему богатым.

В утро кануна праздника взрывы петард в деревне не затихали ни на минуту. Вэй Чэн одел Горшочка, умыл его и начал чистить ему зубки, как вдруг малыш вскрикнул и отшатнулся. В его глазах заблестели слезы:

— Больно...

— Больно? Дай-ка я посмотрю.

Юноша осторожно приподнял губу брата и увидел на слизистой щеки небольшую белую язвочку. Неужели от печи перегрелся? Но со старшим всё в порядке... Значит, семечек и конфет переел? Горшочек так любил сладости, что Вэй Чэн почти не ограничивал его, и вот результат — воспаление от избытка жара в теле.

— Братик, что с моим лотиком? — Горшочек, шмыгая носом, испуганно смотрел на брата.

Вэй Чэн вздохнул и нахмурился:

— Похоже, ты переел сладкого, малыш. Эти два дня придется обойтись без конфет и кушать только легкую еду.

Кроха замер, словно пораженный громом. Он обхватил ногу брата:

— Не надо, братик! Горшочек хочет конфетку!

Юноша погладил его по голове:

— Будь умницей.

Горшочек обиженно замолчал, но его глазенки так и косились на вазочку со сладостями, стоявшую неподалеку. Вид у него был такой, будто он придумывал, как бы стащить конфетку тайком.

— Сейчас я уберу всё это повыше, — Вэй Чэн насквозь видел помыслы брата. Заметив, как задрожала нижняя губа малыша, он смягчился: — Хорошо, я буду давать тебе понемногу, но не так много, как раньше. Договорились?

Малыш шмыгнул носом:

— Ладно...

Красные свитки с пожеланиями были наклеены еще вчера, и теперь хижина сияла праздничным убранством. Даже на будке Синъэра красовался кривоватый иероглиф «Счастье», который Горшочек прилепил лично.

В обед они лакомились четырьмя чудесными блюдами: разварными ребрышками с картофелем, свиной с капустой в уксусном соусе, черными грибами, обжаренными в кляре из белой муки, и легким салатом из папоротника. Ужин прошел за поеданием пельменей со свиной и луком — Горшочек уплетал их за обе щеки, и Вэй Чэн окончательно успокоился.

В новогоднюю ночь полагалось бодрствовать, но юноша так вымотался за день, а младший брат привык засыпать с первыми сумерками, что оба они, едва коснувшись подушек под новым теплым одеялом, тут же провалились в глубокий сон.

Первый день Нового года — время визитов. В деревне им нужно было поздравить только семью Ма, старосту и Травника Ци. Рано утром Вэй Чэн привел себя в порядок, расчесал Горшочка и умыл его. Когда пришло время чистить зубы, он снова заглянул брату в рот и увидел, что белое пятнышко стало больше. Видимо, вчера он всё-таки не удержался и скормил крохе лишнего.

— Горшочек, ротик сильно болит? — спросил Вэй Чэн.

У малыша слезы навернулись на глаза, но он упрямо покачал головой:

— Не... не болит.

— Ах ты, хитрец, — невольно улыбнулся юноша. — Пойдем к лекарю Ци поздравлять его, заодно пусть он тебя и посмотрит. — Он добавил строгости в голос: — Сегодня никаких сладостей.

Горшочек уставился на него своими влажными покрасневшими глазами:

— Ну... ну одну только конфетку, можно?

Вэй Чэн с трудом сдержал вздох.

— Нет.

— Тогда... тогда хоть один кусочек абрикоса...

Брови Горшочка страдальчески сошлись на переносице, губы задрожали:

— Братик, всего один маленький кусочек... ну пожалуйста...

— Ну братик... ну братик... ну братиииик...

Сердце Вэй Чэна при виде этой белой, несчастной мордашки окончательно растаяло. Он закусил губу и сдался:

— Ладно. Твоя взяла.

<http://bllate.org/book/15346/1372682>